

П.К. ГРЕЧКО

ЭВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЯ: ГОРИЗОНТЫ ДЕМАРКАЦИИ

***Аннотация:** Статья посвящена выявлению различий между природой и обществом, трактуемых как динамические реальности, отсюда эволюция и история. В общем плане эволюция представлена как царство необходимости, а история как царство свободы. Пасторально-романтическое отношение к природе глубоко сидит в нашем сознании. Возникает ощущение, что люди хотят умилостивить природу, как это уже делали наши далекие предки по отношению к могучим и грозным богам. Но реальное движение здесь иное – не к природе, а из природы, в историю и ее самоконструирование. Человек потому и состоялся как человек, что вышел (и продолжает выходить) из природы. Эволюция – это выживание и приспособление, в то время как история – это развитие и прогресс. Рано или поздно «экология» будет заменена технологией, конечно, более гуманной, чем теперь, действительно высокой, тонкой и умной.*

***Abstract:** The article reveals the differences between nature and society understood in dynamic terms. Hence the subject of evolution and history. In general evolution is seen as a realm of necessity and history - as a realm of freedom. The pastoral and romantic attitude towards nature is deeply engrained in our minds. There emerges a feeling that people want to appease nature as once our ancestors did in relation to the mighty and terrible gods. But the real movement here is quite different – not to nature, but from nature, towards history and its self-construction. Human being became a human being precisely because he came out (and continues to come out) of nature. Evolution is survival and adaptation, whereas history is development and progress. Sooner or later “ecology” will have to be replaced by technology, which of course, will be more humane than today, a really high, fine, and smart technology.*

***Ключевые слова:** эволюция, история, необходимость, свобода, «хитрость природы», технология, развитие, прогресс.*

Гречко Петр Кондратьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов, главный научный сотрудник Российского института культурологии (Москва). E-mail: p.grechko@rudn.ru.

Keywords: *evolution, history, necessity, freedom, “the cunning of nature”, technology, development, progress.*

В обычном (повседневном, традиционном) словоупотреблении эти понятия не различаются: применительно к обществу эволюция и есть история; «развитие общества» и «эволюция общества» – синонимы. Так что нам сразу же придется объяснить их партнерскую конъюнкцию, тем более что в дальнейшем ее предполагается превратить в дизъюнктивное соперничество. Проще говоря, мы обязаны выявить и показать проблему. Лишь ее наличие удостоверяет и оправдывает философский дискурс. Проблема – это вопрос, на который нет ответа в данной, наличной системе знаний, но который, тем не менее, этой системой индуцируется, требуя для своего решения выхода на новые, более широкие горизонты, уточняющие, развивающие или радикально трансформирующие наши исходные представления. Впрочем, нужно оговориться, что в полной мере понять и оценить проблему удастся не в начале, а в конце предпринимаемого исследования, когда намечено какое-то ее решение, в нашем случае – с учетом заключительных выводов и обобщений.

Контуры заявленной проблемы пунктирно проступают уже в тех различиях и различениях, которые окружают и историю, и эволюцию в общем культурном пространстве общества. Начинается все с малого, не до конца к тому же проявленного, со следов, говорящих просто о присутствии интересующей нас оппозиции. Интуитивно, например, мы ее улавливаем в частых несовпадениях задуманного – казалось бы, хорошо и до конца просчитанного и фактически, в итоге полученного; в непредсказуемости многих негативных, а равно и позитивных последствий наших действий, в угрожающем нарастании разнообразных рисков – вплоть до «общества риска». Толкает к «задумчивости» в данном направлении и народная мудрость: человек предполагает, а Бог располагает; думаешь так, а выйдет инак; проси добра, а жди худа; вода уходит, а камни остаются; смерть не все возьмет, лишь свое возьмет; не было счастья, да несчастье помогло и т.п.

Эволюцию, как правило, упрощают и тем самым проблемно напрягают, оставляя за ней только постепенность и непрерывность количественного накопления, иными словами, – отсекая от нее все качественные скачки, переходы, возвышения, подъемы. Ясно, что развитие без последнего невозможно, а ведь эволюцию и развитие принято отождествлять. Видимо, «развитие» следует оставить за историей, а эволюцию ограничить «процессами изменения, адаптации и отбора». Проблемным оказывается и прогрессивное развитие общества, буквально начиненное рег-

рессом — теми отрицательными последствиями (загрязнение окружающей среды, отчуждение или инструментализация отношений между людьми, депопуляция в развитых странах и т.д.), которые неотступно сопровождают все социальные изменения в истории.

Значимая для нас проблемность сквозит также в классических марксистских различениях, если не противопоставлениях, сегодня, впрочем, изрядно подзабытых. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека»¹. В структурно-содержательном многообразии истории он к тому же различал базисные и надстроечно-идеологические формы, полагая, что только первые можно описывать (констатировать) с «естественнонаучной точностью»². В другом месте это полагание выражено еще более определенно: «Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс; поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно»³. Та же неумолимая логика видна и в следующем утверждении К. Маркса: «Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов»⁴. Молодой К. Маркс, т.е. Маркс периода «Экономическо-философских рукописей 1844 года», был еще более радикален: «Сама история является *действительной* частью *истории природы*, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна наука*»⁵

Вполне солидарен с К. Марксом и Ф. Энгельс: «...имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и безвольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. М., 1955. С. 102.

² Маркс К. Критика политической экономии. Предисловие // Там же. Т. 13. С. 7.

³ Маркс К. Капитал. Т. I. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 10.

⁴ Там же.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 596.

со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел.

Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее⁶.

Итак, с одной стороны, сознательно-целесообразная деятельность человека и история как антропогенный, т.е. вполне рукотворный ее продукт, а с другой — естественно- или природообразное развитие общества, объективная колея, коей не преидеши, действий, в меньшей степени — мыслей человека, непреложные законы истории. Располагать под одной терминологической крышей эти совершенно разные процессы можно, пожалуй, только с помощью марксистски же препарированной диалектики, что и наблюдалось вплоть до недавнего времени.

Отличие истории от того, что ею назвать можно только с большой натяжкой, с определенностью просматривается в очень популярных ныне (в связи с глобальным потеплением, финансово-экономическим кризисом, «столкновением» цивилизаций и т.п.) апокалиптических настроениях и взглядах, а также в настойчиво распространяемых сегодня идеях циклического развития цивилизации. В самом деле, если общество стремится сделать правильный исторический выбор, конструируя так или иначе свое будущее, а история, оказывается, неумолимо идет к концу или погибает, в прямом и в переносном смысле этого слова, в цикл-круг, то невольно впадаешь в «фундаментальное настроение» и начинаешь вопрошать — активно и предельно, в духе метафизики бытия.

Намеченные нами разграничения станут более ясными, если мы раскроем смысл терминов «общество» и «природа», содержательно коррелируемых нами с «историей» и «эволюцией». Данная перспектива с необходимостью переводит наш анализ с «актуальной», или вводно-обзорной, его стадии на собственно предметную, на обсуждение по существу.

Природа — это объективно-реальное многообразие, состоящее из вещества, энергии и информации (если под последней понимать меру

---

⁶ Энгельс Ф. Письмо И. Блоху, 21-23 сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 37. С. 395-396.

различий или разнообразия). Их взаимная трансформация, в форме вечного круговорота, составляет динамику этого многообразия. Ни цели, ни воли, ни других каких-то из ряда вон выходящих (трансцендирующих) «проблесков» в ней нет. Одна сплошная и бесконечная имманентность. Картина получается темная, но мы, похоже, к этой краске уже начинаем привыкать — том числе и благодаря научным гипотезам о темной материи и темной энергии, активно обсуждаемым сегодня. Не исключено, что будет открыта и темная информация. «Темноты», впрочем, достаточно и без этого. Подумать только — темная материя, по расчетам ученых, составляет 95% массы Вселенной! А добавьте сюда еще темную энергию — и полная беспросветность гарантирована.

Круговоротная динамика природы, усиливаемая «темным» бытием Вселенной, вряд ли поддается описанию даже в терминах эволюции. Последняя по определению предполагает какую-то тенденцию развития, а круговорот к развитию никакого отношения не имеет. Ну, если и имеет, то очень не прямое, едва проступающее. Круг развития с его непрерывным движением и неизменной повторяемостью — это *contradictio in adjecto*. Что не исключает каких-то синергетически направленных локальных изменений, т.е. собственно развития, на бескрайних просторах Вселенной. В конце концов благодаря ним существует Земля и живем мы на ней. Такую локальную упорядоченность чисто случайной не назовешь, но она и не необходима. В английском языке есть подходящее для подобных случаев слово — *contingent* (контингентный, зависящий от обстоятельств). Итак, эволюция — это контингентно-локальная структуризация изменений.

Все в мире, как утверждает метафизика, взаимосвязано, природа и общество — тоже. Однако связь связи рознь. Далеко не вся природа, уходящая в бесконечность космоса, связана с обществом. Связано и реально взаимодействует с обществом лишь «ближайшее зарубежье» природы, называемое по еще не выветрившейся традиции географической средой. Это растительный и животный мир, почвенный покров, земная кора, нижняя часть атмосферы. Впрочем, из «дальнего зарубежья» природы, т.е. из далекого-далекого космоса, к нам, в нашу географическую среду, тоже кое-что залетает. Ученые сегодня ведут целую охоту за метеоритами и астероидами, чтобы быть готовыми — не только теоретически, но и практически (технологически) — к встрече с ними, чтобы, следовательно, возможное столкновение не оказалось губительным для природы Земли. Но непосредственно все-таки дыхания космоса мы не ощущаем. И это хорошо, поскольку его холода, прогнозно говоря, нам не вынести. Холод, заметим, подстерегает нас и с другой, внутренней, стороны. Вполне веро-

ятно, что Земле грозит новый ледниковый период. Специалисты называют даже сроки — примерно через 15 тысяч лет. По планетарно-космическим масштабам, нынешний относительно теплый период, который длится уже 10 тыс. лет, — лишь переход от одного ледникового периода к другому. Ясно также, что рано или поздно (приблизительно через 1 млрд. лет) умрет и сама планета Земля. Марс — пример того, как это происходит и чем заканчивается.

Связь природы с обществом неоднозначна и определенно двусторонняя: «географическое» влияние природы наталкивается на антропогенное воздействие общества. Получается очень подвижная, противоречивая, изменяющаяся во времени взаимосвязь. На стадии собирательства, охоты и рыболовства доминировала природа, адаптивное включение человека в окружающую географическую среду. Как и животные, люди вызвали тогда изменения неосознанно, стихийно, самим фактом своего присутствия в этом мире, в природе. С переходом к производящей экономике ситуация резко изменилась. Воздействие общества на природу стало более масштабным и, главное, целенаправленным. Что касается конечных, реально достигаемых результатов, а также сопровождающих их последствий, особенно отрицательных, то таким — целенаправленным — качеством они, конечно, не обладают. На индустриальной стадии развития общество буквально воюет с природой, постоянно расширяя свое господство над ней. Не уменьшилось антропогенное давление на природу и в постиндустриальную эпоху, хотя режим его в целом изменился, стал более мягким.

Но до оптимального баланса во взаимоотношениях природы и общества все еще далеко. Тем более что природа в последнее время ведет себя непредсказуемо, заявляя о своих правах мощными стихийными бедствиями и невиданными ранее аномалиями.

А теперь обратимся к смыслу понятия «общество». По лапидарному, но очень точному замечанию М. Годелье, человеческие существа «создают (produce) общество, для того чтобы жить»⁷. Можно добавить: и общество создает людей, которые в нем живут (чтобы они в нем жили). «...Индивид есть его/ее общество, и общество есть индивиды»⁸ — это опять суждение Годелье. Опираясь на эти очень выразительные формулировки, приступим к раскрытию сути рассматриваемого вопроса.

---

⁷ Цит по: Ingold T. On the Distinction between Evolution and History // *Social Evolution & History*. 2002. Vol. 1. № 1. P. 6.

⁸ Deconstruct to Reconstruct: An Interview with Maurice Godelie. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.4750978.0001.207>.

Жизнь, в прямом смысле, — процесс биологический. Ясно, что не о нем речь в случае жизни человека в обществе. Не жизнь это, а социальное бытие. Из чего оно в таком случае состоит («сделано»)? В общем плане социальное бытие можно представить как надстройку над природным базисом. Но есть риск оказаться в плену по инерции воспринимаемого «базиса», жестко и однозначно детерминирующего все «надстройки». Удвоенное «над» — вначале как приставки, а потом как предлога — к такому, субстанциальному, восприятию более чем располагает. Между тем природа здесь дальше субстрата (носителя) не поднимается: не детерминирует, а только поддерживает, воплощает, сопровождает. Неточным будет и представление общества как части природы, хотя в нашей литературе оно давно уже превратилось в общее место. Опять же инерционно-традиционное восприятие части делает ее существенно зависимой от целого. Отсюда рукой подать до социальности животных и даже растений, до социальных импликаций возникновения и развития жизни на Земле, антропного преформизма геологической эволюции, космогонии и т.п. А также до непрекращающихся попыток разработать естественную науку об обществе⁹. «Было бы неверным думать, — читаем мы в одной из работ, — что процесс социальной эволюции ... начался в связи с появлением нашего биологического вида *Homo Sapiens*. Он начался за миллиарды лет до этого. Об этом свидетельствует объединение одноклеточных организмов в многоклеточные, наличие в клетках органелл, многочисленные колонии таких организмов, как полипы»¹⁰

Никто не спорит, общество не может не опираться на потенциал тех предрасположенностей и тенденций, которые эволюционно вызрели (и, видимо, продолжают вызревать) в лоне природы. Но это опора или отталкивание не филиативного, т.е. родственного, просто продолжающегося, протягивающегося в будущее, типа. Это скорее качественный скачок, эмерджентный отрыв, ограничивающий социальное социальным же, превращающий общество в самостоятельную, чтобы не сказать автономную, систему. Ее можно назвать автопойетической (самовоспроизводящейся, онтологически самоутверждающейся). Нет, полностью закрытых, всецело автономных систем не бывает. Общество и история, несомненно, разомкнуты на природу и эволюцию, как, впрочем, и наоборот. Эта разомкнутость особенно очевидна в труде, трудовом процессе, который

---

⁹ См., например: *Рэдклифф-Браун А.Р.* Естественная наука об обществе // *Личность. Культура. Общество*. 2010. Т. XII. Вып. 1 (53-54). С. 18-30.

¹⁰ *Перепелкин Л.С.* Социальная эволюция как аспект изучения общества // *Личность. Культура. Общество*. 2009. Т. XI. Вып. 4. № 51-52. С. 215.

есть (вспомним Маркса) не что иное, как обмен веществ и энергии между человеком и природой.

Суть дела, однако, в другом – в том, что сущность общества специфична, что лежит она не в том, что сближает общество с природой (их многое сближает), а в том, что его выделяет, обособляет, противопоставляет. Общество – это культура, а не натура. Его специфически-различительная сущность заключена в таких феноменах, как сознательная (и символическая) интеракция, социальные институты, смысло-означенные отношения между людьми, человекосоразмерные формы поведения и дискурса, и т.п.

При всем том пасторально-романтическое отношение к природе из общественного сознания никогда не исчезало. Сегодня же стараниями экологов оно превратилось в самую настоящую злобу дня. Послушать иного «зеленого», так природа просто мать родная, все в ней гармонично, выверено и пригнано друг к другу. Она благоволит людям, и в доказательство этого кормит их своими плодами. Еще дальше экологов идут современные анархисты и антицивилизационисты. Они призывают вообще отказаться от производства, фабрик и заводов, от всякого разделения труда и вернуться к эпохе «собираательства», когда человек жил за счет «даров природы»¹¹.

В действительности все гораздо сложнее. Человек потому и состоялся как человек, что вышел («слез с дерева») из природы. Впрочем, не вышел – продолжает выходить, становясь все в большей мере искусственным (= искусным) существом. «Мы вышли из пещер, но пещера еще не вышла из нас» (А. Регульский). Строго говоря, человек – а это, по сути, человеческое в человеке – не есть продукт живой природы, т.е. результат эволюционного процесса. Для природы нет ни смерти (как уже отмечалось, один круговорот вещества, энергии и информации), ни экзистенциально значимых различий (что человек, что камень – все едино). Она дает знать о себе не только чудесными ландшафтами, пленительными зорями и закатами, но и ужасными стихийными бедствиями, климатическими катаклизмами, различными патологиями, осложнениями и болезнями. Бездушно-эволюционную стихию природы иначе как враждебной человеку и обществу назвать нельзя.

Как показали авторы научно-популярного фильма «Жизнь после нас» (Life After People, 2008), природа Земли вполне может обойтись и без человека, отдав все свое пространство новому любимчику – растениям. Похоже, в товарищи к природе навязываемся мы сами, а ей достаточно

---

¹¹ См., например: *Зерзан Дж.* Первобытный человек будущего. М., 2007.

комфортно и без homo sapiens-а. В конце концов, именно природа нас, каждого в отдельности, обрекает на смерть. Что реально противостоит смерти в данном смысле, так это культура, а значит, общество. Но тягаться с природой в этом (и не только в этом) плане ей пока не под силу. В данной связи мы готовы принять парадоксальную мысль Н.А. Бердяева: «Культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть великая неудача»¹².

Отнюдь не дружелюбна по отношению к нам и природа в форме дальнего космоса. С одной стороны, оттуда идут свет и тепло, а с другой — льются смертоносные радиоактивные потоки, летят чудовищные по своей разрушительной силе «небесные тела», астероиды, метеориты. Где-то там, в глубинах космоса затаились и ждут своего часа черные дыры, готовые втянуть, проглотить, распылить нашу планету. А нас продолжают убаюкивать всеединством, благодными картинами космо-земной гармонии мира. Совершенно другую тональность задают картины, которые рисуют перед нами современные астрономы: идет проверка живучести Земли в нескончаемо бурлящем океане космоса. Риски, в перспективе, колоссальные: опасный наклон земной оси, угроза быть сбитой со своей орбиты при столкновении с непрошеным гостем из космоса, планетарное разогревание или, наоборот, остывание и т.д.

Нельзя назвать справедливым и природное распределение талантов: кому-то выпадает быть Моцартом, кому-то — Сальери, а кому-то и просто «человеком с улицы». Оправдания этому нет: никаких личных заслуг или обязательств, никакого свободно совершаемого выбора, все определяет — стихийно, слепо, бессмысленно — некая естественная лотерея или господин Случай. А социальные последствия огромные: человеку приходится нести по жизни ношу, которую он к тому же и не сам взвалил себе на плечи. Хорошо, если ноша эта — талант или гениальность, а если бесталанность?

Возможности социальной среды при этом ни в коем случае не игнорируются. Она многое может — даже убить талант, не дав ему раскрыться. Но вот родить, создать, произвести — нет, это ей не под силу, тут последнее слово за природой¹³. В данной связи мы солидаризируемся с теми авторами, которые считают, что в наше время пора уже ставить вопрос не только о справедливом распределении ресурсов и возможностей, но и личностных характеристик, в том числе и генетически обусловленных¹⁴.

---

¹² Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 521.

¹³ Подробнее см.: Гречко П.К. Справедливость: поиск предельных оснований // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. Вып. 3 (57-58). С. 71-84.

¹⁴ См., например: Buchanan A., Brock D.W., Daniels N., Wikler D. *From Chance to Choice: Genetics and Justice*. Cambridge, 2000.

Когда-то с легкой руки Гегеля мы много говорили о «хитрости разума». Сегодня, похоже, этот дискурс устарел: на смену «хитрости разума» уверенно идет «хитрость природы». И она еще более коварна, ибо навязывает себя «технологическими руками» самого разума. Наступление природного на социальное фиксируется сегодня повсеместно. Браки гомосексуалов и лесбиянок – яркое тому подтверждение. Они расшатывают – медленно, но верно – “нормальную практику” (теперь это «новая нормальность») и устоявшийся социальный институт брака. Аргументация проста и потому, наверное, так популярна: нечего воевать природой – она нас такими сделала.

Впрочем, есть и обратное движение – когда в брачном контракте, т.е. правовым образом, расписывают всю семейную жизнь вплоть до интимных отношений супругов. От экспансии природного в социальное может серьезно пострадать правовая сфера. Ведь современное право стоит на разграничении патологий (это, естественно, природа и ее неменяемость) и норм (вменяемость, связанная с рационализацией социального, в частности поведения человека: “в здравом уме и твердой памяти”). Чем больше в обществе будет легитимно природного, тем меньше в нем будет человечески-ответственного, а с юридической точки зрения – и вменяемого. Как это скажется на мире и порядке в нашей жизни, гадать не приходится. Изменяться, видимо, все системные требования общества к индивиду, представляемые сегодня рациональными, или нормозадающими, “процедурами” профессионалов.

В то же время присутствие природы в истории, обществе, или социальные импликации природного, не замечать нельзя. Не все они к тому же отрицательные. Речь идет о конвенциональном принятии неких параметров природного в качестве точек отсчета (может, лучше и точнее – отталкивания) для социального, его “естественных практик”. Вот только некоторые из них: социальные пособия по случаю болезни тела и души (психики), особая социальная забота о матери и ребенке, уважение к старости, право физически немощных родителей на заботу со стороны детей, право уходить на пенсию по достижении определенного возраста и пр.

Как уже видно из сказанного, открытость общества природе не является лишь периферийно-средовой. Она заметна, притом значимым образом, и внутри общества, на собственном поле социального. В некоторых ситуациях общество ведет себя как природа. И даже понятно – в каких. В ситуациях, охваченных системным недугом, захлестываемых спонтанностью и стихией, где существенно ослабла связь воли с разумом, а выдвигаемым спасительным проектам недостает радикально-преобразующей и потому реально направляющей силы, где человек ведет

растительно-животный образ жизни, существуя не мысля, одним только телом. В такие периоды, по наблюдению ученых, возвращаются так называемые социальные болезни: туберкулез, венерические заболевания, алкоголизм, наркомании, рахит, авитаминозы и др.

Возникновение и распространение таких болезней в определяющей степени зависит от неблагоприятных социально-экономических условий, недостаточного питания, в частности, от расстройства человеческой коммуникации в целом. Природа не любит пустоты (расстройств), вот и заполняет ее собой. Используя терминологию Ж. Делеза и Ф. Гваттари, можно сказать, что эволюция — это «машинное» общество, общество, идущее на поводу у желания как «бесконечного ресурса», не управляемого разумом и волей человека. По контрасту история определяется как та часть событийной процессуальности, которая является делом рук (и головы, конечно) человека.

В общем плане природообразное существование общества можно считать вырождением истории в эволюцию — разумеется, речь идет не о тотальном и доминирующем процессе, а о некоем сбое, отклонении, зигзаге. Доминирует здесь как раз другое — медленное, но неуклонное движение от эволюции к истории, едва, заметим, уловимое в доисторические и неисторические времена. Содержательно в этом движении сплавлено очень многое. Прежде всего, переход от традиции — инерционной, воспроизводительной или «повторительной», к инновации — производительной, социально проектируемой, реализующей то, что с точки зрения «природы вещей» является сушей утопией. Утопией не как пустой мечтательностью или благим пожеланием, а как трансценденцией должного: я обязан это сделать, совершить, утвердить, потому что я — человек, потому что в этом состоит мое земное предназначение. Энергия этого долженствования — в форме господства, власти, доминирования — распространяется не только на природу, но и на социальное окружение, а также на самого человека. И чем дальше, тем больше на последние две сферы. Да и долженствование *in action* со временем становится все более мягким: коалиционным (с обратной связью), синергичным, оптимальным.

Это, далее, переход от природной к человеческой естественности — к тому, что является природой, или истинной сущностью человека (а не природным в человеке). Это также уход от животности, животного начала в человеке или, что то же самое, но с другой стороны, возвышение человеческого в человеке. Нечего обольщаться, человека все еще нет — одна человекообразная заготовка или болванка, над которой истории предстоит еще долго трудиться, прежде чем получится нечто стоящее — существо всецело социальное, достойное имени, Идеи по Платону, чело-

века. Так что Диогенов поиск, днем с огнем, человека, начатый более двух тысяч лет тому назад, все еще идет, продолжается. Успехи на этом пути всегда относительны, ибо, как убедительно показал К. Ясперс, «существо человека в его истории всегда промежуточно...»¹⁵. Тем не менее вехи здесь тоже фиксируются. В качестве первой из них можно указать на осевое время истории, сформировавшее человека в его духовно-коммуникативной открытости миру¹⁶. Следующая веха — второе осевое время, более популярно обозначаемое как эпоха науки и техники, должно завершиться «созданием настоящего человека»¹⁷. И дальше непременно будут какие-то этапы, устремленные в «бесконечность существования», но о них говорить сегодня преждевременно.

Намеченный таким образом переход, а фактически — разрыв, отрыв, удаление, убедительно демонстрируют и многие другие расхождения между эволюцией и историей. Их мы легко обнаруживаем в вопросе об элементарной «клеточке» развития. Разумеется, и история работает «блочно», с большими числами — массами, группами, другими субъектными объединениями, ее дифференцирующий процесс ниже выдающихся (как добрых, так и злых) личностей не опускается. И все же в истории заметна тимотическая (*греч. thymos* — честолюбие) составляющая, т.е. «борьба за признание», тенденция к нарастанию притязания на значимость, внимания к индивидуальному (индивиды) началу бытия. Очень точно и убедительно феномен тимоса раскрыл Фр. Фукуяма: «Люди считают, что они имеют определенную ценность, и когда с ними обращаются так, будто эта ценность меньше, чем они думают, они испытывают эмоцию, называемую гнев».

Наоборот, когда человек не оправдывает представления о своей ценности, он испытывает стыд, а когда человека ценят согласно его самооценке, он испытывает гордость. Жажда признания и сопутствующие ей эмоции гнева, стыда и гордости — это важнейшие для политической жизни характеристики. Согласно Гегелю, именно они и движут исторический процесс»¹⁸. Интерес к индивидуальному измерению истории в наши дни переживает явный бум в связи с бурным развитием методологии повседневности и непубличности (частной жизни) в социально-гуманитарных исследованиях. В отличие от общества и истории, значимой единицей для природы и эволюции является не индивид или особь, а целая попу-

---

¹⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 398.

¹⁶ См.: там же. С. 49, 53.

¹⁷ Там же. С. 54.

¹⁸ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 16.

ляция. Хотя следует заметить, что мутации, без которых эволюция немислима, происходят (начинаются) все же на индивидуальном уровне.

В отличие от эволюции, в которой господствует стихийный и вещеподобный детерминизм с явным доминированием причинно-следственных связей, история — это господство ценностных, или смысло-нормативных, зависимостей, причинности через свободу, как выражался на сей счет И. Кант, или ментальный детерминизм, как обозначено это у Г. Бейтсона.

Рассмотрение данной разницы в терминах свободы можно продолжить: есть свобода как познанная необходимость и есть свобода как выбор, более того, как морально-нравственный императив: ты свободен, потому что ты должен быть свободным. Измена так понимаемой свободе переживается как самая настоящая ущербность, как экзистенциальная трагедия. Свобода как познанная необходимость слишком адаптивна и потому апологетична. Напротив, свобода как императив быть свободным, как зов призывания и совести индуцирует креативность, постоянную неудовлетворенность достигнутым. Она вырастает в самую настоящую антроподицею как оправдание существования человека свободным и творческим самоутверждением. Она же вносит самый большой вклад в превращение выживания в развитие — притом и как реальный жизненный процесс, и как базовую ценностную ориентацию. Последнее для человека исторического имеет принципиальное значение: по-настоящему в жизнь входят и там плодоносят лишь те изменения, которые получили его ценностную санкцию, т.е. внутреннее одобрение или согласие. В осознании и эмоционально-чувственном принятии вызревает волевая готовность к действию.

Выживание — как перспектива сохранения себя в пространстве и времени — одинаково важно как для общества, так и для природы, вернее, всего живого в ней. Но механизмы содержательного наполнения этой перспективы разные. В мире природной жизни идет ничем особо не сдерживаемая (случаи синергии и симбиоза не в счет) борьба за существование. Инерция этой борьбы на заре человеческой истории обернулась чередой кровавых войн между враждующими родами и племенами. Но крот истории продолжал работать. Цивилизованной заменой борьбы за существование стала агонистика — соревновательность и конкуренция. Конкуренция хороша тем, что отбирает лучшее и лучших, не прибегая к открытому военному противостоянию

Рано или поздно экологию, в ее современном понимании, придется заменять технологией. В наши дни человек уже создает материалы с заданными свойствами. В будущем, если, конечно, не произойдет ничего катастрофического, если будущее не станет жертвой нынешнего человеческого неразумия, заданные свойства будут непременно у целой окру-

жающей среды. Среда не только социальной – с нее в конечном счете все и начинается, – но и природной. Ничего несбыточного в этой перспективе нет.

Уже сегодня, скажем, продают не только и не просто офисное оборудование, но офисную среду. Разумеется, у этого процесса есть своя очередность или логика последовательности. Ни торопить, ни перескакивать определенные стадии развития нельзя – у каждой есть своя историческая миссия. На индустриальной стадии развития, все еще доминирующей в современном мире, экология и технология – антиподы, как организм и механизм. Но все меняется и, несмотря ни на что, – в лучшую, прогрессом задаваемую сторону.

На наших глазах рождается общество знания – общество, в техническом *logos-e* (техно-логии) которого не будет нынешнего разрыва между наукой о способах воздействия на материал и самими этими способами, т. е. методами обработки или изменения состояния, свойств и форм материала. Техника станет и становится уже другой – действительно высокой (исторически возвышенной – тоже правильно) и тонкой. Ее антиподно-механистические отношения к организму (организмам), которые и раньше-то не были застывшими, раз и навсегда данными, претерпят дальнейшие существенные изменения, станут более мягкими и инклюзивными, т. е. легко встраиваемыми и сочетаемыми.

И горизонты таких изменений просматриваются уже в наши дни. На примере биотехнологий мы убеждаемся в возможности успешного сочетания в организме человека естественного и искусственного: в технологическом, искусственно-генетическом выращивании тканей, а впоследствии и целых органов. В прессе недавно прошло сообщение о создании американскими учеными первой живой синтетической клетки. Только вдумайтесь – синтетическая или искусственная и живая! Поистине сказка, которая становится былью. Еще более широкие горизонты открывают перед человечеством нанотехнологии, делающие вполне реализуемым техническое манипулирование материей на атомарном и субатомарном уровнях. С их помощью, по прогнозам ученых, человечество за XXI в. пройдет путь, эквивалентный 20 тысячам годам его прошлого существования. Не кажется уже нереальной и перспектива личного бессмертия человека – скажем, через помещение сознания в неорганическую оболочку (наподобие киборга)¹⁹.

Для этого нового состояния биолог-эволюционист Джулиан Хаксли, брат писателя Олдоса Л. Хаксли – автора нашумевшей антиутопии

---

¹⁹ См.: Ученые спорят о будущем. URL: <http://www.topos.ru/veer/news50.htm>.

«О дивный новый мир», еще в 1957 г. придумал специальный термин – трансгуманизм. Им он как раз и обозначал перспективу синтеза машины и человека, т.е. использования технологии для преодоления (to transcend) ограничений нашего тела и мозга. Надо полагать, отношение общества к природе будет меняться в сторону *soft* и *smart* не только за счет технологий, становящихся все более совершенными (высокими и тонкими), но и за счет раскрытия необычайно богатого – диспозиционного потенциала самой природы. Ее онтология, с учетом данного потенциального расширения, наверняка не так груба и механистична, как мы привыкли думать.

В 1998 г. была основана Всемирная трансгуманистическая ассоциация (The World Transhumanist Association). В выпущенной по этому случаю Декларации сказано, в частности, следующее: «(1) Человечество в будущем радикально изменится благодаря новым технологиям. Мы предвидим реальность (feasibility) реконструкции условий человеческой жизни, в том числе таких ее параметров, как неизбежность старения, ограниченность естественного и искусственного интеллекта, незыблемость (unchosen) психологии поведения, страдание и наше заточение в пределах планеты Земля. (4) Трансгуманисты защищают моральное право тех, кто хочет (wish) воспользоваться передовыми технологиями для расширения своих умственных и физических (включая репродуктивные) способностей и улучшения собственного контроля над своей жизнью. Мы ищем пути роста личности за пределами наших нынешних биологических ограничений»²⁰.

Трансгуманистическая картина будущего квалифицируется некоторыми исследователями как деструкция или, в более мягком варианте, как коренное преобразование человеческой природы. На самом же деле это выявление (с помощью конструирования) истинной природы человека, движение в сторону собственно человеческого существования, подлинного «дома бытия», предельного расширения возможностей человека – умственных, физических, эмоциональных. Это попытка позитивного и ответственного отношения к научно-техническому прогрессу, а не алармистское паразитирование на его так называемых отрицательных последствиях.

Признавая технику очень репрезентативным человеческим продуктом, трансгуманисты искренне верят в то, что по мере своего развития, она, техника, будет становиться все более и более человеческой. В свете

---

²⁰ Подробнее о трансгуманизме см.: Bostrom N. *A History of Transhumanist Thought*. URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.html>; см. также: World Transhumanist Association. URL: <http://www.transhumanism.com/index.html>; FAQ трансгуманистов: <http://www.transhumanism.org/resources/faq.html>; <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/>.

собственно эволюционного учения трансгуманизм можно квалифицировать как постдарвинизм (но не антидарвинизм) и постэволюционизм. Культура как мир искусственного ближе и органичнее человеку, нежели природа как мир естественного. Точнее даже так: искусственное и есть естественное для человека. По справедливому замечанию Ф. Энгельса, нормальным существованием для человека «является то, которое соответствует его сознанию и *должно быть создано им самим*»²¹. Человек постоянно вопрошает «зачем?», неустанно и упрямо ищет смысла.

Обрисованная здесь перспектива, конечно же, не единственная. Немало сторонников и у альтернативного видения проблемы, в частности, перспективы консервации человеческих существ как организмов, поощрения натурализации нашей духовной и материальной культуры²².

Радикальные изменения, как нам представляется, претерпит со временем и космические координаты существования человека. Мы разделяем в этом плане уверенность известного британского астрофизика С. Хокинга (Stephen Hawking) в том, что без расселения в космосе, на что потребуются от 200 до 500 лет, у человечества не будет, уже сейчас нет будущего. В терминах нашей работы речь идет об историческом преодолении земного эволюционного притяжения. Вырвавшись из цепких объятий эволюции, человечество соорудит себе новый — космический Ноев ковчег и уйдет полностью в автономное историческое существование.

Возможно, этим ковчегом станет вся планета Земля — все дело в колоссальных, поистине космических объемах энергии, которую откуда-то придется брать. Надежда здесь только на одно — на революционный технологический прорыв, который позволит превращать в энергию любое вещество. Конечно, это только предположение — пока что с определенностью сказать здесь ничего нельзя. Тем не менее стоит задуматься над картиной, которую рисует перед нами Д. Хьюз: «Также как наши палеолитические предки не могли представить себе наших больших городов, наше искусство, наши машины или наши духовные традиции, точно также мы не можем представить себе грандиозность достижений постчеловеческой цивилизации.

Возможно, наши потомки будут использовать нанотехнологии для превращения целых планет в разумный (intelligent) живой материал, где каждый атом — процессор в разуме (mind) планетного масштаба, осознающем падение каждого воробья и способного сохранять память каждой

---

²¹ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 510.

²² См.: Smajs J. *Evolutionary Ontology: Reclaiming the Value of Nature by Transforming Culture*. Amsterdam; New York, 2008. P. 198.

жизни. В таком мире наше личные идентичности могли бы продолжать существовать миллионы и даже триллионы лет. Возможно, они окажутся способными искать другие широко рассеянные формы разума в нашей галактике и начнут работать с универсумом, чтобы остановить его стремительное движение к тепловой смерти. Или, как предположил Мичио Каку, возможно, они будут строить новый, более благоприятный (congenial) универсум и мигрируют туда»²³.

Развивая сказанное выше, резонно утверждать, что самая заветная мечта или фундаментальная забота человека — внести смысл в свое историческое существование и вырваться тем самым из бессмысленного круговорота эволюции. Эволюция — физический процесс, процесс, где доминирует энтропия; местные или локальные синергетические эффекты здесь мало что меняют. Человек истории — носитель экстропии, т.е. организованности, порядка, совершенствования и роста (в тенденции, конечно, а не в отдельных своих начинаниях и действиях). Он неустанно обустроивает мир, в который пришел, в котором живет и работает. Растет жизненный комфорт его бытия, ширится инфраструктурная — через учреждения культуры и здравоохранения — поддержка его души и тела.

Внесение смысла в историческое существование, в историю равнозначно обретению человеком мучительно взыскуемого им смысла жизни. Главным препятствием на этом пути стоят страдания и их убедительнейшее выражение — смерть. Как ни странно, но особого роптания в данной связи не замечено, не слышно. Вероятно, потому, что мы уже смирились с эволюционной «тиранией старения и смерти» (М. Мур), согласились, в частности, с тем, что говорит о душеочистительной роли страданий христианская религия. И если раньше это еще можно было понять, то ныне, в связи с новыми технологическими перспективами, жить, не замечая назойливого соседства смерти, уже нельзя. Наибольшую чувствительность в данном плане выказывают опять же трансгуманисты.

Вот что сказал о старении и смерти один из основателей трансгуманистического движения Д. Пирс — в интервью испанскому журналу «Кронопис» (<http://www.hedweb.com/transhumanism/russian.html>): «Будущим поколениям, возможно, все сегодняшнее смертное человечество будет казаться трагически больным и ущербным. Сейчас мы полагаем, что с моральной точки зрения вполне приемлемо передавать нашим детям смертельно опасную генетическую болезнь старения и предрасположенность к различным вредным состояниям ума (например, ревности, плохому настроению, беспокойству, раздражительности и оди-

---

²³ Hughes J. *What comes after humans?* URL: <http://ieet.org/index.php/IEET/more/hughes20061116/>.

ночеству), которые выполняли адаптивную функцию в первобытном обществе.

И, все же, человеческая жизнь, вероятно, могла бы быть намного более яркой. По мере того, как технологии все больше совершенствуются, почему бы нам не заменить жестокую генетическую рулетку природного отбора генетически программируемым сверхчастьем, сверхдолгой жизнью и суперинтеллектом? В принципе, эта трансформация не требует (и не должна потребовать) притеснения других рас или видов. Преодоление наших биологических ограничений предполагает преодоление этноцентрических и антропоцентрических предрассудков наших предков». Мы к этим словам можем только присоединиться.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Популярные ныне концепции ноосферы, управляемой эволюции и устойчивого развития, выступая от имени человека, работают все же на эволюцию, ее расширение и продолжение. Они так или иначе встраивают человека в эволюционный процесс, вместо того чтобы делать его все более и более автономным — относительно природы, внешней и внутренней. Развиваемый нами подход ориентирован на другое — на отрыв истории от эволюции и всяческое поощрение человеческих ресурсов разума и свободы. В повседневной жизни мы высоко ценим *self-made-man*, как говорят американцы. Так почему бы не расширить масштабы и не обобщить эту характеристику на всю историю?

Эта мысль наиболее отчетливо сформулирована одним из лидеров трансгуманистического движения Максом Муром, возглавляющим так называемый *Институт Экстропии*²⁴ еще в 1999 г. «Мы решили, что настало время исправить человеческую конституцию... Мы больше не будем терпеть тиранию старения и смерти. Посредством генетической модификации, манипуляций с клетками, создания искусственных органов, и любых других необходимых средств, мы придадим себе витальность, и устраним неизбежность наступления нашего ухода... Мы примем на себя бремя собственного генетического программирования и добьемся влас-

---

²⁴ Институт экстропии по замыслу своих учредителей должен был стать «информационным центром для всех, стремящихся способствовать нашей дальнейшей эволюции, используя технологию с целью расширить пределы здоровой жизни, увеличить интеллектуальные возможности, оптимизировать психику, и улучшить социальные системы». Термин «экстропия» по своему значению, насколько можно судить, представляет собой бинарную оппозицию к термину энтропия — в метафорическом смысле мера возрастания неупорядоченности в любой изолированной термодинамической системе. Как известно, в процессе эволюции происходит нечто обратное — возрастание упорядоченности, усложнение и дифференциация биологических систем (<http://www.extropy.org>).

ти над нашими биологическими и неврологическими процессами. Мы обеспечим себе полностью свободный выбор формы и функций собственного тела, обострим и усилим свои физические и интеллектуальные способности больше, чем любой человек в истории...»²⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
2. Гречко П.К. Справедливость: поиск предельных оснований // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. Вып. 3 (57-58).
3. Зерзан Дж. Первобытный человек будущего. М., 2007.
4. Маркс К. Капитал. Т. I. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1960. Т. 23.
5. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. М., 1955.
8. Рэдклифф-Браун А.Р. Естественная наука об обществе // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. Вып. 1 (53-54). С. 18-30.
9. Ученые спорят о будущем. URL: <http://www.topos.ru/veer/news50.htm>
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
11. Энгельс Ф. Письмо И. Блоху, 21-23 сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37.
12. Яценко К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
13. Deconstruct to Reconstruct: An Interview with Maurice Godelier. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.4750978.0001.207>
14. Hughes J. *What comes after humans?* URL: <http://ieet.org/index.php/IEET/more/hughes20061116/>
15. Ingold T. On the Distinction between Evolution and History // *Social Evolution & History*. 2002. Vol. 1. № 1.
16. Šmajš J. *Evolutionary Ontology: Reclaiming the Value of Nature by Transforming Culture*. Amsterdam – New York, 2008.

---

²⁵ <http://www.maxmore.com/mother.htm>.